

А.Ф. ЕРЕМЕЕВ,
проф. Уральского университета

СОВРЕМЕННОЕ БАХТИНОВЕДЕНИЕ: ВПЕРЕД — К БАХТИНУ ИЛИ НАЗАД — ОТ БАХТИНА? Субъективные заметки

Предварительные замечания необходимы, чтобы снять любую предвзятость, посторонние соображения, подсчеты, кто «свой», а кто «чужой» (даже враг) при чтении дальнейшего текста, и чтобы сам этот текст воспринимался не в аксиологическом, не в прагматологическом ключе, а как чисто гносеологическое явление, как сообщение о... и только. Автор ни на кого не намерен влиять, его единственная цель — прочтите текст, подумайте о современном состоянии — так назвавшей себя — Бахтинологии и сделайте что-нибудь (кто сколько может), чтобы знаков минус по сей части было поменьше, а знаков плюс — побольше. Иначе говоря, хотелось осуществить прямую апелляцию к самосознанию и совести каждого, создать, так сказать, повод подумать... — и только. Автор хотел бы выполнить роль своего рода внутреннего самомедитатора в каждом...

Может возникнуть законный вопрос: зачем это ему нужно? Тем более, что страна переходит к рынку и все имеет свою цену и все делается с целью преуспеть, даже когда речь заходит о благотворительности, бескорыстном деянии, простом сочувствии. Так вот, даже в свете этих усложняющих дело коммерческих обстоятельств, на вопрос: зачем это автору нужно? он ответит, что ему, автору, лично все это

ни к чему, как, может быть, окажется, что тому или иному отдельному читателю тоже это не важно, а вот для всех нас, для общества, для дела, надеюсь, и обнаружится какой-то смысл.

Поэтому автору не хотелось бы выделяться по тем или иным положительно-отрицательным признакам из общей массы, поэтому он просил бы воспринимать его заметки не как голос со стороны (а тем более недружественный), а как голос изнутри, как свой собственный — для каждого. Поэтому будет правильной, если заметки станут восприниматься так: критика одновременно есть и самокритика, автор не считает себя ни умнее, ни лучше других, но просто кто-то же должен первым сказать это самое «э», хотя бы и присоединяясь тем самым... к «презренному» стану бобчинских и добчинских. Ведь даже это «э», которое в гоголевском «Ревизоре» оказалось пустым звуком, так вот даже это, возможно, и не оправдывающее себя в будущем «э» лучше все же, чем ничего. Оно может произвести некое движение в умах, которое, согласитесь, уже само по себе есть нечто... Еще раз прошу обратить внимание, что автор, начав эти заметки, прежде всего рассчитывал на то, что каждый читатель подумает и сделает не по их поводу, а по поводу того объекта, о котором в них пойдет

речь. Автор поэтому и назвал свои заметки «субъективными», что высказал в них лишь свое, частное мнение, которое вполне может быть и ошибочным и не стоящим внимания... Но вот объект, которым они посвящены, стоит не только какого-либо «э», а, надеюсь, особо пристально и обнадеживающего внимания любого, кто так или иначе причастен делу нашей культуры. Вот объект-то, вот он-то важен и «доказательств никаких не требуется», — скажем словами булгаковского Воланда.

Что это за объект, уже нетрудно догадаться: раз речь коснулась так называемого Бахтиноведения [1], то очевидно, что его объектом, по самой логике формирования термина, могло быть ни что иное, как теоретическое наследие замечательного ученого Михаила Михайловича Бахтина, столетие со дня рождения которого весь мир только что отметил.

Наша культура подошла к этому славному юбилею не с пустыми руками. Если сравнить 1995 г. с любым из предшествующих «начал» или «концов» пятилетий, десятилетий, то баланс будет в его пользу, причем с явным перевесом: проведено немало конференций разного масштаба, изданы юбилейные сборники, в газетах и журналах появились соответствующие даты статьи. По самым скромным подсчетам в той или иной мере наследие Бахтина изучают многие десятки специалистов, стал издаваться журнал, посвященный исследованию его жизни, трудов, хроники связанных с ним событий. Сложилось несколько центров, концентрирующих в той или иной мере работу в этой области — в Санкт-Петербурге, Москве, Витебске, Саранске. Можно констатировать несом-

ненный рост интереса к Бахтину за рубежом. Незаметно М.М. Бахтин превратился из редко печатающегося оригинального ученого в полновесного классика, который, пожалуй, даже и оттеснил на вторые роли многие до сегодня абсолютно авторитетные имена. И если, обобщая, постараться найти единую линию во всем этом довольно пестром процессе, то можно выделить главное — историческая справедливость восторжествовала, и М.М. Бахтин занял достойное его, объективно полагающееся ему место в мировой и отечественной науке и, наверное, даже шире — в мировой культуре и духовной жизни. Все это, несомненно, итоги положительные, им можно только радоваться и даже если кое у кого появится настроение почитать на лаврах, то вряд ли это нужно считать большим грехом.

И все же при всей заслуженной и законной эйфории нет-нет да и закрадываются тревожные нотки. Я имею в виду не те согласия или несогласия, которые естественно возникают по поводу тех или иных суждений о Бахтине, имею в виду не интерпретации Бахтина, не противопоставление ему порой того, чего у него (слава богу) не было или оставление за пределами исследовательского интереса того, что достойно гораздо большего внимания. Это, так сказать, обычные издержки такого рода производства. Тем более, если бы нашелся внимательный человек, который бы выделял главное в различных публикациях о идеях Бахтина, попытался бы создать что-то целостное, единое (ведь речь идет о взглядах все же одного и того же конкретного человека), то он бы был разочарован: осколки-цитаты, мысли-интерпретации оказались бы дис-

кретными частицами, но ...довольно различных источников.

Это свидетельствует не только о естественных искажениях в истолковании, о сложности и многоплановости интерпретируемых или цитируемых идей, но и об известном облегченном нашем, а порой и просто легком отношении к наследию Бахтина. Эта легкость проявляется и в небрежности изложения его взглядов, и в том, что любой, кто захочет, считает для себя вполне возможным опубликовать свой опус с неизменным союзом «и», связывающим два далеко неоднородных члена: с одной стороны, употреблялось, как правило, все имя Бахтина, а с другой — нечто пришедшее этому «любому» в голову, существующее само по себе и не имеющее никакого отношения к тому, над чем думал сам Бахтин.

Скажу уже и совсем личное. Меня давно раздражает и даже оскорбляет образ М.М. Бахтина, созданный в литографии Ю. Селиверстова из цикла «Русская душа». Иссохшие мощи вместо красивого в молодости и не потерявшего своего обаяния в старости одухотворенного лица. Один пепел на кончике сигареты жив, а все остальное в изображении — мертво и, простите, некрасиво, неинтересно и, на мое субъективное ощущение, никак не ассоциируется с Бахтиным — мыслителем, талантом, блестящим совершателем любого начинания, наконец, любимцем тех, кто его знал. И этот лжепризрак кочует из издания в издание, символизируя совсем не те сущности, которые вызывает во мне имя «Бахтин». Мне это изображение кажется кощунственным и неуважительным по отношению к

оригиналу, а потому поверхностным и облегченным.

Но, конечно, портрет в Бахтиноведении — явление нетипичное, да и вкус свой не хочется никому навязывать. А упомянул я о портрете потому, что он нагleden, потому, что неуклонно повторяется и потому, что сам стал символом неадекватного отношения к Бахтину. Представляется, что ни одного другого, вызывающего восхищение или простую доброжелательность человека, нельзя бы было изобразить так небрежно-карикатурно и неуважительно к его естеству. А с Бахтиным оказалось «все дозволено».

Вот этот доведенный до панибратства «демократизм» обращения с М.М. Бахтиным, эта «нормальность» недопустимой для других случаев бестактности — тоже своего рода феномен, требующий объяснения и самостоятельного разговора. Затрону лишь один аспект.

Обычно авторитеты в сфере культуры защищены традицией их пребывания в ней. Решился высказать свое мнение о Гоголе или Белинском — сразу же столкнешься с броней — суждениями о них, сложившимися в науке и критике. Бахтин лишен такой защиты. Он пришел к нам реально с середины 60-х гг., пришел «сам», ибо сначала и первоначальные издатели не вполне представляли, как его комментировать, а возможно, и условия изданий не предполагали никаких истолкований — существует же книга «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» в двух повторяющих друг друга изданиях с разницей в двадцать пять лет, без предисловия и комментариев, с одним лишь приложением и указателем имен.

М.М. Бахтин не только не был защищен культурной традицией, но и в официозе не имел какого-либо ранга. У нас ведь как до недавнего времени привыкли: критикуют, «ругают» человека — возникает известная раздвоенность: «непротивление злу» или даже поддержка негатива «на людях» и молчаливое сочувствие, а то и возведение в геройский сан в «кухонных» лабораториях общественного мнения. Иной вариант тоже не раз проходил: хвалят человека и тут — сорадость, как в случае с романом В. Некрасова о Сталинграде, или опять же молчаливое несогласие, если точки зрения не совпадают. О Бахтине же никаких указующих жестов не последовало, остался он у политики и критики как бы беспризорным и тут каждый мог отметить-ся в зависимости от своих желаний, садо-мазохистских истоков и реальных культурных высот. И все, вроде, происходило тихо-мирно, «делом», народ не без наслаждения осваивал наследие М.М. Бахтина, да тут грянули юбилеи, создалась злоба дня, а на нее как же не откликнуться... Вот и родилась Бахтинология. Разномастная. Разнопородная. Но вот одно ее объединяло — тенденция отъединенности от Бахтина.

Кроме того, о чем уже шла речь, необходимо отметить, что в заботах о юбилее забыли о юбиларе. Да, я не оговорился. И что, прежде всего, имеется в виду? Прикиньте, сколько получилось публикаций в связи с Бахтиным и около него — немало. А сколько издано к юбилею книг самого М.М. Бахтина? Ни одной! Конечно, можно назвать два однотомника переизданий, увидевших свет в Киеве, скорее, с коммерческими целями, но ведь это же — язык не поворачивается выговорить —

иностранное государство, а что же в России-то? Как уже говорилось — ни одного издания!

Может быть, нет нужды? Но если вспомнить те карликовые тиражи тех редких изданий, которыми порадовала Родина Бахтина, то можно без всякого преувеличения констатировать: в большинстве личных и публичных библиотек страны нет сочинений Бахтина; почти нет их и в единичном пользовании. Поэтому нам кажется колоссальным забеганием вперед такого рода утверждения, что «принципиальное значение имеет теперь не сам текст Бахтина, а то, когда он был написан и почему» [2]. «Когда был написан и почему», добавлю от себя, обнаружить сравнительно нетрудно. А вот текст? Где его взять и чем его заменишь, особенно тот, который писал Бахтин на грани волшебства. А ведь такого текста много. О каком влиянии Бахтина на гуманитарное образование и мышление можно говорить, если его не читали ни ученики, ни студенты, ни преподаватели?! И, похоже, в обозримом будущем не прочитают.

Пишу об этом, во-первых, с тем большим сожалением, что сам принимал участие в попытке издать «Большого» и «Дешевого» Бахтина, в объеме даже превосходящем тот, что достигнут в Японии, но издатели натолкнулись на вето «душеприказчиков» Бахтина и не преодолели своей провинциальной (только по их собственным меркам) робости перед столичными авторитетами и прецедентами. Знаю, такие попытки предпринимались и в других местах, но раз плодов не видно, то, надо полагать, и там ничего не вышло.

Во-вторых, пишу об этом с сожалением, если не увидели свет сочинения Бахтина, то его истолкова-

тели-то публиковались. Да порой еще как! Уже упоминавшаяся здесь «Бахтинология», благодаря блестящей полиграфии, стала достойным памятником самому себе, да и М.М. Бахтину, отчасти, «повезло»: его двухстраничное интервью помещено в 370-страничном томе бахтиологов и по этой причине удостоилось шикарного переплета и золотого тиснения. Невольно хочется помечтать и заодно порадоваться об общем благе: к этой роскошной книге, хоть на газетной бумаге, хоть в мягкой обложке, или даже без нее, но издать хотя бы несколько основных работ не только бахтиологов, а и самого Бахтина. Саранский юбилейный симпозиум принял важное решение об издании собрания сочинений Бахтина, но это пока лишь слова, а не книжные тома.

Безусловно, архиважно издать уже найденного Бахтина. Но не меньшее значение имеет и поиск еще не обнародованных пока материалов, записей бесед, интервью, конспектов лекций и семинаров. Можно обратить внимание и на некоторые издания 20-30-х гг. в поисках «следа Бахтина». Скажем, известная книга, существующая под фамилией Медведева [3], местами написана талантливо, демонстрирует незаурядную эрудицию. Уж не Бахтин ли здесь приложил руку помощи? Ведь по отзывам, например Л.Я. Гинзбург, приведенным В. Баевским, окружающие Бахтина люди «были примитивными» [4]. Пока не поздно, нужно также собрать и опубликовать «М.М. Бахтин в воспоминаниях современников», «Бахтин pro и contra» и т.д.

Мне бы не хотелось, чтобы взаимоотношения между М.М. Бахтиным и его исследователями свелись к про-

тивопоставлению. Но ведь с изданием его трудов к юбилею именно так объективно и получилось, сколько бы оправдательных обстоятельств мы ни могли отыскать. Да и другие противопоставления создаем мы сами.

Недостаток изданий Бахтина и все же слабая и беспорядочная работа по их распространению и истолкованию приводят к тому, что к поневоле ограниченным группам исследователей получает возможность присоединиться довольно мало свежих сил; сами группы обособляются, элитаризируются, «варятся в собственном соку», ограничивают, а то и вообще не допускают «чужих», и в итоге начинают повторять самих себя, да при том одолеваются и самодовольством. Постепенно уже смещаются и объекты исследований — вместо идей самого Бахтина (это кажется слишком «простым» и очевидным) начинают брать их разные суррогаты, мнимые эквиваленты, а то и разговор перемещается почти в потусторонние дали. Скажем, в той же цитированной нами книге можно прочесть: «Разумеется не один Бахтин определяет ментальные культуры эпохи на пороге третьего тысячелетия, но философское здоровье и степень идентичности теперешних собеседников Бахтина во многом будут зависеть от финальных актов встречи с русским мыслителем в пространстве отечественной Судьбы» [5]. И каждому не скажешь «до встречи», а то «философское здоровье» окажется не то или «адекватность» подкачает, а то и не угадаешь, что значит «пространство отечественной Судьбы». Как же тогда быть не «избранным», сирым и убогим, а вернее, просто не попадающим в касту.

Наверное, мы все же не очень прислушались к словам С.С. Аверин-

цева, который писал о Бахтине: «Но Бахтин — это мыслитель, а мыслитель существует не для того, чтобы за ним повторять, а для того, чтобы его слушать и услышать...» [6]. Да, Бахтин прежде всего мыслитель и стать бахтиноведом значит, тоже прежде всего, попасть в проблемное поле его идей и не топтаться на месте, а продолжать рассуждения, исследования как самих этих идей, так и их возможных модификаций, обогащать идеи сгустком новых контекстов и, в конце концов, продвигаться в направлении открытия более глубинных пластов эстетической и художественной реальностей, ради которых и выдвигались сами идеи Бахтина.

Состояние современных взаимоотношений в сфере изучения наследия Бахтина напоминает мне карикатуру И. Семенова, на которой — нетрудно вспомнить — изображены в панике выскакивающие из рам и удирающие из леса знаменитые шишкинские медведи, воинственно занимающие оборону и ощерившиеся всем своим боевым оружием богатыри с известной картины В. Васнецова, уносящиеся на полном скаку розвальни суриковской боярыни Морозовой, репинский окровавленный Иван Грозный, крепко прижимающий к груди убиенного им сына, словно заслоняя его от еще большей опасности; к беглецам присоединяются перовские охотники на привале и даже репинский горбун, в ужасе и спешке всюю налегающий на свой костыль. Под карикатурой стоит красноречивая подпись-название: «Спасайся, кто может — копиисты идут».

Вот и все мы, специалисты, так или иначе причастные к творениям в связи с наследием М.М. Бахтина,

видимся пока не бахтинологами или бахтиноведами, а скорее — своего рода бахтинистами-копиистами, чьи копии-толкования, увы, также мало похожи на оригиналы, как продукция художников-копиистов — на образы классических картин; и от нас истинные первозданные идеи Бахтина в страхе подчас спасаются бегством.

Конечно, в сказанном можно усмотреть преувеличение, хотя мне представляется, что в случае с копиистами — это даже слишком мягкое сравнение. Но в любом случае вспомним А.С. Пушкина: «Сказка — ложь, но в ней намек — добрым молодцам урок». Во всяком случае, положи руку на сердце, скажу: пока современное бахтиноведение мало что добавляет к работам самого основоположника и выстраивается в своего рода смысловую, а сейчас уже отчасти и в организационную параллель с оригинальными трудами Бахтина, параллель, которая — увы, иначе не назовешь! — ведет пока почти паразитический образ жизни, эксплуатируя творческое наследие своего великого учителя, не столько обогащая, сколько распыляя его идеи. У И. Бабеля есть образ: размазывать белую кашу по чистому столу — образ словно приготовлен как раз к нашему случаю.

...В одном из воспоминаний о М.М. Бахтине рассказывается, как в бытность свою в Мордовском университете он обычно приходил на профсоюзные собрания и — цитирую по смыслу — садился среди других, не выступал, молча выслушивал критику и уходил.

Различные юбилейные конференции в честь столетия М.М. Бахтина с известной долей риска можно уподобить профсоюзному собранию —

были же совсем в недавние времена всесоюзные пионерские слеты и комсомольские форумы. На этом всероссийском бахтинском юбилейном собрании много говорилось о юбиларе преимущественно добрых или даже хвалебных слов. А их выслушивать совсем не легче, чем критику. Интересно, как бы на этот раз прореагировал на слова о себе сам Михаил Михайлович Бахтин? Молча выслушал нас и ушел или бы сделал что-нибудь другое? И что именно?[7]

1. Если в 1991 г. группа авторов свой сборник, положивший, по их саморекомендации, начало изданию, назвала почти скромно — «Проблемы Бахтинологии», то в 1995 г. колебания по поводу проблем были отброшены и сборник, то бишь продолжение издания, назван уже почти безапелляционно: «Бахтинология» (Л.). И поскольку затем последовало двоякое и слова: «Исследования, переводы, публикации», то в одном ряду оказался и сам М.М. Бахтин и ...его исследователи. Согласитесь, что оборот дела совсем не равнозначный для сторон, составляющих эту самую Бахтинологию.

Но считая поднятый вопрос весьма важным и с точки зрения этики, и с точки зрения организации дела, я все же не хотел бы сейчас на нем специально останавливаться, как на относительно частном, чтобы не отвлекать внимание от главной темы начатого здесь особого разговора.

2. Басенко А.В. Власть времени, или Оставьте М. Бахтина в покое // М.М. Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века. Саранск, 1995. С.11.

3. См.: *Медведев П.В.* В лаборатории писателя. Л., 1933.

4. *Баевский В.* Две страницы из дневника // Бахтинология. С.10.

5. Бахтинология. С.3.

6. *Аверинцев С.С.* Попытки объяснить: Беседы о культуре. М., 1988. С.29-30.

7. Кстати, в самом конце послеюбилейного 1996 г. стало, наконец, выходить долгожданное собрание сочинений М.М. Бахтина, причем, словно намереваясь упущенное, — сразу с пятого тома. Присутствуя этот весьма отрадный для нашей культуры факт, нельзя, к сожалению, не посетовать, что традиции нынешнего «бахтиноведения» сказались и здесь: «народное» издание Бахтина не получается, цена одного тома — аж под 50 тысяч рублей, тираж — только 3 тысячи. Ясно видно, что бахтинский текст составляет меньшую половину общего объема книги, а большую занимают комментарии. Конечно, фамилия одного из авторов комментариев вселяет надежду, но все же это не Бахтин, да и общие пропорции издания получаются явно не в его пользу. Невольно на ум приходит сравнение: в торговле работников прилавка порицают, если у них на противовесе весов бумаги окажется больше, чем там, где находится покупка. Формулировка наказания весьма красноречива: «За продажу бумаги по цене товара». Издание «Большого» Бахтина еще делает первые шаги и, может быть, заботясь об интересах классика и его почитателей, стоит обратить внимание на это обстоятельство.